

Введение. Там, за Пиренеями... - Португалия: путь от революции...

[Португалия: путь от революции...](#)

Новинка

Под ред. В.Л. Верникова

2014 г.

Далеко она, Португалия. Географически — край европейской суши, *finis terra*, западный берег Пиренейского полуострова, омываемый Атлантикой. Далека страна от нас и ментально — комплекс колониальной империи здесь давно изжит, постдиктаторский транзит завершен, что, впрочем, не избавило это государство от участи безнадежного бедняка Европы. А ведь всего десятилетие назад один из отечественных ультралиберальных экономистов запустил в оборот политологический слоган, по сути, повторявший подзабытый лозунг советских времен

«Догнать и перегнать». Только теперь речь шла не о развитом капиталистическом Западе и не об Америке, а о Португалии и о статистически лукавом показателе ее подушевого валового внутреннего продукта, или ВВП (в тот 2004 г. он действительно превышал российский). Но этот призыв, вобравший в себя наше развинченное настоящее и туманное будущее, воспринимался откровенно издевательски, как указание на измельчавшую историческую перспективу России — «Догнать Португалию». Дескать, на большее и замахиваться смешно, даже это потребует немалых усилий и будет достойным вознаграждением.

Сегодня даже беглого взгляда на статистические показатели уровней экономического и социального развития двух стран и их ВВП достаточно, чтобы эти пророчества списать на нашу извечную страсть к самобичеванию и любви к красивой язвительной фразе. Хотя очевидно, что несравнимые по территории, человеческому и экономическому потенциалу страны некорректно измерять по одной шкале, потому что длина разбега для прыжка в будущее у каждой своя, что и подтвердили минувшие годы. А ведь был у Португалии, которую даже называли «самым примерным учеником Европы», достаточно долгий период взлета, когда ВВП рос едва ли не самыми высокими темпами в Европе — 4% в год, правда, во многом благодаря миллиардным субсидиям из фондов ЕС на реконверсию ее технологически отсталой экономики и развитие еще более отсталой инфраструктуры. В те годы высокие индексы португальской макроэкономической конкурентоспособности и экономической свободы, развития человеческого потенциала и многие другие вызывали зависть у более развитых стран континента.

Экономический и финансовый кризис 2008 г. легко обратил вспять эти достижения. В начале второго десятилетия XXI в. Португалию нам уже надо не «догонять и перегонять» по уровню и качеству жизни — здесь время все уже расставило по своим

местам, а осмыслить и понять причины и последствия системного кризиса всей экономической модели страны.

Стагнирующая промышленность и массовая безработица, обернувшиеся социальной катастрофой для значительной части населения, и чрезвычайно горькие лекарства, прописанные ЕС для лечения затянувшейся болезни, предвещают затяжное выздоровление и призрачный рост. В жертву принесено, как считают португальские социологи, целое поколение молодых людей с университетским образованием, которые, не проработав ни дня, не видят перспектив в ближайшем будущем найти работу по специальности и вынуждены эмигрировать. Жертвой кризиса стали и десятки, если не сотни тысяч самостоятельных и состоявшихся граждан, занятых в среднем и мелком бизнесе, разоренных непомерным ростом налогов и общим спадом производства.

Вот несколько цифр, характеризующих в самых общих чертах положение в экономике и социальной сфере. Уровень безработицы в IV кв. 2012 г. — 16,9%, затраты на получение разрешения на строительство (по отношению к среднему доходу по стране в 2013 г.) — 370%, время получения такого разрешения — 108 дней, уровень совокупной налоговой нагрузки (относительно дохода в этом же году) — 42,6%, минимальная стоимость бизнес-эмиграции, т. е. вывод бизнеса за границу, — 25 тыс. долл. США[1]. Дефицит бюджета и жесткие требования ЕС по его сокращению в достаточно сжатые сроки ударили не только по благосостоянию целой армии госслужащих, но и по расходам на культуру, науку, образование, НИОКР и по самым конкурентоспособным отраслям португальской экономики.

Все познается в сравнении, и Португалия знала иные времена, о которых для полноты представления нельзя не упомянуть, хотя нас интересуют последние десятилетия ее демократического развития, старт которому дала Апрельская «революция гвоздик» 1974 г. Открывая для страны горизонты свободы после долгой диктатуры и политической изоляции, она вернула народу Португалии веру в свою мифологическую «особость», которой еще в XVI в. утверждалось ее величие, а само существование «изначально входило в замысел бога»: он спустился на Землю, чтобы создать новое государство, и беседовал об этом с военным лидером Алфонсу Энрикешем. Во множестве дошедших до нас книг того времени, в том числе в знаменитой поэме «Лузиады» классика португальской литературы Луиша де Камозанса, мореплаватели оказывались на голову выше всех других героев, включая Александра Македонского, римского императора Траяна и даже храброго Роланда, потому что «нет на известной нам Земле народа, которому все люди были бы обязаны больше, чем португальцам»[2].

Мифы — не история в чистом виде, но они доносят до последующих поколений духовное состояние просвещенной части общества огромной колониальной империи того времени, ее величие, вес и авторитет в мире. А вот исторический факт: в Архиве внешней политики Российской империи сохранилось предписание Петра I канцлеру Г. И. Головкину от 1722 г. о назначении дипломатических представителей в Европу с личной припиской царя: «А еще надобно в Португалию». По его инициативе переговоры между двумя странами об установлении контактов были предприняты в Лондоне в начале XVIII в., но они затянулись почти на полвека.

Португалия изучала возможные выгоды для себя от сближения с Россией, которую, в свою очередь, к установлению отношений побуждали внутренние, прежде всего, экономические интересы, составлявшие приоритетное направление политики царя. Решение было принято 17 октября 1778 г. и даже назначен дипломатический представитель Португалии при дворе в Санкт-Петербурге. Им стал Франсишку Жозе Орта

Машаду, который, однако, не спешил к месту своего назначения, обеспокоенный сведениями о роскоши царского двора, требовавшей расходов, превышавших возможности португальской короны. Лишь через год, уже в царствование Екатерины II, он прибыл в столицу Российской империи и 24 октября 1779 г. вручил императрице верительные грамоты, в которых говорилось о желании королевы Марии I установить с русским двором «отношения постоянной дружбы, а между народами России и Португалии — великого союза и согласия».

Еще через год в Лиссабон прибыл Чрезвычайный посланник и полномочный министр русского двора Вильгельм Нессельроде, кстати, отец будущего вице-канцлера России графа К. В. Нессельроде. Среди множества дипломатических документов, подписанных в те годы между двумя странами, особое значение имел Договор дружбы, мореплавания и торговли (1787), в котором обе державы обязывались «как за себя, так и за всех своих подданных без изъятия поступать взаимно во всех случаях дружески как на море, на сухом пути и на пресных водах, помогая взаимно всякого рода добрыми услугами, особливо в том, что может касаться до плаванья и торговли».

История в последующие века еще не раз будет испытывать на излом стремление народов двух наших стран к дружбе, взаимопомощи и торговле. Португальская революция 1910 г., не признанная российским самодержавием, стала первой ступенью к отчуждению и охлаждению отношений, а вступление Португалии в Первую мировую войну, подорвавшую ее экономику и способствовавшую свержению республиканцев, привело к установлению диктатуры Сидони Пашу. Революция октября 1917 г. — теперь уже в России — стала окончательной причиной разрыва дипломатических отношений. Должны были пройти почти шесть десятилетий, чтобы после крушения фашистского режима Салазара — Каэтану и победы «революции гвоздик» началось налаживание новых дипломатических и тесных дружественных отношений с СССР.

26 декабря 1991 г. Португалия признала Российскую Федерацию и отношения между нашими странами освободились от идеологических разногласий и попыток смотреть друг на друга через прицел глобального противостояния общественно-политических систем. Диапазон наших связей и контактов широк, как никогда ранее, обе страны выражают схожие взгляды на многие основополагающие аспекты внешнеполитической деятельности, в первую очередь, по противодействию новым вызовам и угрозам безопасности в мире и в Европе. Обо всем этом подробно говорится в одной из глав книги, здесь мы ограничимся лишь констатацией исторического вектора становления российско-португальских отношений.

Гораздо сложнее и противоречивее выглядит картина идеологических метаний лидеров страны в первые постреволюционные годы в управлении и настройке экономики на либеральный курс. Сегодня этот этап истории Португалии рассматривается политологами как транзит — переходный период от диктатуры к демократии, схожий по глубине перемен с испанским транзитом после смерти Франко, но имеющий свое португальское лицо. Особенности быстрой трансформации, в первую очередь, политической, а затем и экономической модели страны с учетом объективных социальных условий, внешнеполитических угроз и идеологических представлений о ее будущем у группы патриотически настроенных военных, взявших власть в свои руки, до сих пор вызывают споры среди историков и аналитиков. Это была задуманная и осмысленная революция в интересах народа или банальный, скопированный с латиноамериканских образцов военный переворот в интересах группы недовольных военных?

Свойственный им революционный романтизм и неопытность в управлении на первых порах произвольно приводили к просчетам и ошибкам, а откровенная «левизна», вроде идеи вхождения в социалистический лагерь, вызывала настороженность не только в Европе, но и партнеров по НАТО. Приход к власти первых гражданских правительств изменил траекторию перемен и экономических целей, но частая их смена и череда реформаторских неудач в условиях глобализирующейся экономики, политические скандалы и внутренняя нестабильность неизбежно тормозили развитие страны. Все это, вместе взятое, составляло широкий спектр упущенных возможностей, которые надо было в интересах страны быстро наверстать.

Курс на экономическую интеграцию с развитой Европой заставил власти принять новые правила игры, и на пути в ЕС глубокие изменения претерпело не только законодательство, из которого были изъяты многие леворадикальные установления, но и сами основы экономической стратегии развития. Социалистические и правые правительства, которые осуществляли практическое выполнение «дорожной карты» движения в «большую Европу», смогли провести длинный ряд болезненных и не всегда удачных структурных реформ, стремясь соответствовать требованиям сообщества. Не без потерь для национальной экономики и устоявшегося уклада жизни португальцев, вступление в объединяющуюся на большой скорости Европу ознаменовало, тем не менее, решительный поворот в ее экономическом и социальном развитии, обозначив новые рубежи в конце прошлого и начале нынешнего столетия.

Объективному анализу успехов, упущенных возможностей и причин неудач правительств различных политических оттенков посвящены несколько глав экономического раздела монографии, потребовавшие от их авторов серьезных статистических и сравнительных исследований. В этом контексте для стран с переходной экономикой теоретический и практический интерес представляют специфика португальской экономической модели развития, векторы совершенствования налогового и бюджетного законодательств, а также принципов функционирования многослойного малого и среднего бизнеса, поучительный опыт использования огромных средств из различных фондов ЕС для осуществления крупных инфраструктурных проектов и реконверсии ведущих отраслей промышленности. Осмысление всего комплекса проблем приводит к выводу о том, что неолиберальные экономические теории и соответственно неолиберальная практика не отвечают реалиям современного мирохозяйства в условиях глобализации.

В увлечении ими находившимися у власти правыми правительствами Португалии, как и соседней Испании, многие португальские экономисты видят причину тяжелых потерь экономик этих стран в условиях нынешнего финансово-экономического кризиса. По их мнению, косвенные методы регулирования экономики, которые всегда были едва ли не основными для капиталистического хозяйства, не только становятся более изощренными, но при необходимости и для ликвидации технологической отсталости, поддержания на плаву социальной сферы или предотвращения краха банковской системы дополняются прямым вмешательством и помощью государства. Это, конечно, откровенно противоречит неолиберальному догматизму, что португальские власти осознали слишком поздно.

Несомненный интерес с позиций сегодняшнего дня представляет не только пройденный извилистый путь страны в ЕС и почти три десятилетия пребывания в нем, но и предшествовавший ему этап португальского капитализма. Не дряхлой и не отсталой была страна в канун рубежного революционного апреля 1974 г., а среднеразвитым европейским государством с рыночной экономикой, профицитным бюджетом и положительным внешнеторговым балансом. Европа к тому времени уже начала

объединять свои экономические потенциалы для более эффективного разделения труда на общее благо, и в середине 1980-х гг. правительство социалистов осознало все выгоды такого объединения.

Содружество стало для Португалии сначала трамплином для прыжка в будущее, совершить который в одиночку был ей просто не под силу, а затем требовательным экзаменатором готовности к жертвам и уступкам в период финансового кризиса. Специалисты отмечают: португальцы оказались весьма сговорчивыми партнерами, осуществившими практически все предписанные ЕС меры жесточайшей экономии для снижения бюджетного дефицита и укрощения банковской вольницы. «Мы быстро привыкли хорошо жить, не задумываясь над тем, что живем в долг, что не заработали ставшие вдруг доступными блага», — говорит известный ученый, профессор университета Коимбры Антонио Мартинс да Силва.

За это — за красивую жизнь в долг — страна расплачивается уже несколько лет. Долги оказались неподъемными для португальской экономики, не выдержавшей конкурентной борьбы с более развитыми странами Европы. Стремясь сократить их бремя, следуя жестким рецептам ЕС, Португалия оказалась между Сциллой и Харибдой: снижение бюджетного дефицита вынудило правительство максимально урезать все государственные расходы, что привело к падению уровня производства, сокращению инвестиционных программ и налоговых поступлений и, как следствие, массовому сокращению зарплат, росту безработицы, социальной напряженности и падению в целом жизненного уровня населения.

Круг замкнулся. Ответ левой оппозиции и профсоюзов не заставил себя ждать: волна всеобщих забастовок, политическая нестабильность и череда отставок министров вконец расстроили планы правительства Коэльо по выходу из кризиса. К 2012 г. и сами европейские лидеры осознали, вдруг просветлев от событий в Италии, Испании, Греции и на Кипре, что предписанное должникам лекарство не столько лечит, сколько калечит национальные экономики провинившихся стран, затрудняя их выход из кризиса, и слегка ослабили вожжи, но было уже поздно — многие из них лежали на боку без признаков выздоровления. Но, как говорится, не хлебом единым, хотя и в духовной сфере жизни португальского общества кризис оставил свои рубцы недофинансированностью объектов культуры, снижением расходов на среднее образование и науку, в первую очередь университетскую. Португалия — страна древней культуры, вобравшая в себя все лучшее из культур своих многочисленных колоний практически на всех континентах, гордится своими глубокими гуманитарными традициями. Литература, архитектура, живопись, музыка, а в последние годы и кинематография стали ее визитной карточкой в мире. Имена прославленных писателей и поэтов прежних веков, Нобелевского лауреата Жозе Сарамаго и большой когорты талантливых авторов конца прошлого и начала нынешнего столетия, вместе с именами ее университетов в Коимбре, Лиссабоне и Порту, являются частью той «мягкой силы» внешней политики Португалии, которая успешно работает на ее авторитет и культурный имидж в мире.

Об особенностях нынешнего литературного процесса и о творческих поисках художников и архитекторов мы мало что знаем, если не брать в расчет узкоспециализированные кластеры университетских кафедр. Проведенные для этой монографии аналитические исследования, несомненно, вызовут широкий научный отклик. В не меньшей степени интересен и впервые представленное в российском религиоведении профессиональное рассмотрение социальной роли и позиции католической церкви, пользующейся большим авторитетом в португальском обществе.

Эта книга — комплексное многоаспектное и систематизированное исследование о новой Португалии. Так уж случилось исторически, что раньше она нас не очень интересовала и была практически недоступна для знакомства из-за находившихся у власти в течение долгих десятилетий диктаторских режимов. Затем последовал недолгий всплеск интереса после победы «революции гвоздик» и снова — эпизодическое появление на страницах научных журналов и центральных газет разрозненной информации о текущих событиях.

За несколько десятилетий в России так и не появилось ни одной фундаментальной научной монографии о сложных процессах трансформации португальского общества, становлении новой политической системы и преодолении экономической отсталости страны. Невостребованность такой аналитической работы, конечно, имеет свое частное объяснение сугубо российскими политическими обстоятельствами, но и другая сторона относилась к новой России достаточно прохладно, что проявлялось, в первую очередь, в организации и налаживании научных, торговых и экономических связей. Хочется думать, что эта книга поможет лучше узнать друг друга и лучше взаимодействовать — ведь написана она ведущими учеными обеих стран. Конечно, у них разный взгляд, порой разная оценка одних и тех же фактов и событий, и это понятно и объяснимо, но тем глубже, полнее и объемнее картина жизни и пути, пройденного Португалией после «революции гвоздик».

И, наконец, одно пояснение, относящееся к структуре книги. В интересах дальнейшего развития отечественной португалистики тексты португальских авторов (главы 2, 8, 9), ставшие органичной частью монографии, дополнительно к переводу на русский приведены в Приложении на языке оригинала.

Примечания

1. <http://www.kommersant.ru/doc/2161026>. Источники: Всемирный банк, Eurostat, Росстат, BusinessforSale.com.
2. Цит. по: Новая газета. 10 июня 2013 г. № 82.